ДБ
60
П-18
1900г.

Вильямъ Парри.

ПРОѢЗДЪ ЧРЕЗЪ РОССІЮ ПЕРСИДСКАГО ПОСОЛЬСТВА

въ 1599—1600 гг.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

С. Соколова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900.

60
П18

Вильямъ Парри.

ПРОѢЗДЪ ЧРЕЗЪ РОССІЮ ПЕРСИДСКАГО ПОСОЛЬСТВА

въ 1599—1600 гг.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

С. Соколова.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1900

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
491180

Печатано подъ наблюденіемъ С. И. Соколова

БИБЛИОТЕКА МУЗЕЯ РЕВОЛЮЦИИ С.С.С.Р.
65262
ПОГАШЕНО
9/471.б
П-18

Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ за 1899 годъ.

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Въ 1-ой книгѣ *Чтеній въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ* 1899 г. былъ помѣщенъ разсказъ, въ переводѣ съ испанскаго, о путешествіи персидскаго посольства чрезъ Россію въ 1599—1600 гг. Авторъ разсказа—персіянинъ изъ состава посольства, принявшій въ Испаніи католицизмъ. Въ параллель къ этому разсказу помѣщаемъ другой о томъ же путешествіи, написанный англичаниномъ Вильямомъ Парри, который также состоялъ въ свитѣ пословъ. Послѣднихъ было двое: персіянинъ Перхулы-бекъ и знатный англичанинъ, сэръ Антоній Шерли, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій на службу знаменитаго шаха Аббаса со своимъ братомъ Робертомъ и съ нѣсколькими соотечественниками; по его-то побужденію, и было отправлено шахомъ посольство къ разнымъ европейскимъ дворамъ.

Разсказъ Парри помѣщенъ въ старинномъ сборникѣ путешествій Пёрчаса: *The Pilgrimes by Samuel Purchas 1613* и носитъ заглавіе: *Sir Anthonie Sherley his voyage over the Caspian sea and thorow Russia* (Путешествіе сэръ Антонія Шерли по Каспійскому морю и чрезъ Россію). Большая часть его, и именно все, относящееся къ Россіи, перепечатано (съ исправленіемъ лишь орѳографіи) въ книжкѣ, озаглавленной: *The three brothers or, the travels and adventures of sir Anthony, sir Robert and sir Thomas Sherley, in Persia, Russia, Turkey, Spain, etc. With portraits. London* 1825 (Три брата, или путешествія и приключенія сэръ Антонія, сэръ Роберта и сэръ Томаса Шерли въ Персіи, Россіи, Турціи, Испаніи и пр. Съ портретами. Лондонъ 1825). Изъ нея мы и заимствуемъ этотъ разсказъ. Онъ короче разсказа персіянина, но пополняетъ его въ двухъ отношеніяхъ: во 1-хъ, выясняетъ судьбу португальскаго монаха, ѣхавшаго съ посольствомъ, который имѣлъ на дорогѣ столкновеніе съ сэръ Антоніемъ: какъ оказывается, финалъ этой исторіи разыгрался въ Москвѣ при дѣятельномъ участіи русскаго правительства; въ 2-хъ, авторъ, какъ очевидецъ, даетъ, не лишенное историческаго интереса, описаніе царскаго выѣзда на богомолье весною 1600 года.

На Каспійскомъ морѣ, которое намъ надо было переѣзжать, мы пробыли два мѣсяца, прежде чѣмъ пристали къ землѣ; и въ теченіе этого времени испытали много тревогъ и не мало страха, такъ какъ, помимо того, что это море отъ природы неспокойно, стояла очень дурная и бурная погода, вслѣдствіе чего мы едва не потерпѣли кораблекрушенія, ибо судно дважды ударялось о дно, такъ что мы были принуждены облегчить его отъ большей части нашихъ запасовъ. Однако, подъ конецъ, по милости Божіей, мы достигли черезъ два мѣсяца желанной пристани. Когда мы прибыли туда, правитель, получивъ извѣстіе о нашей высадкѣ, прислалъ капитана со стражей встрѣтить насъ и отвезти въ крѣпость Астрахань, гдѣ высадился, за день передъ симъ, посланникъ, котораго отправилъ, мѣсяцемъ раньше, персидскій шахъ затѣмъ только, чтобы выхлопотать намъ разрѣшеніе проѣхать чрезъ земли русскаго царя.

Отъ упомянутой крѣпости до города Москвы мы ѣхали рѣкой и сушей десять недѣль; и во все это время сэръ Антоній и его свита, съ прочими посланниками и ихъ слугами, всѣ получали содержаніе отъ русскаго царя, ибо таковъ обычай въ этой странѣ по отношенію ко всѣмъ подобнымъ путешественникамъ, пока они проѣзжаютъ чрезъ владѣнія царя, что имъ даромъ доставляются съѣстные припасы, но за то къ нимъ приставляютъ стражу, такъ что они мало чѣмъ отличаются отъ плѣнниковъ, пока находятся въ предѣлахъ владѣній царя.

Отъ Астрахани мы ѣхали на судахъ по великой рѣкѣ Волгѣ, пока не прибыли въ городъ, называемый *Негсонъ* (Negson, Нижній Новгородъ?); переѣздъ этотъ продолжался семь недѣль. Въ теченіе этого времени мы не видѣли ничего достопримѣчательнаго, кромѣ трехъ или четырехъ деревянныхъ крѣпостей, или блокгаузовъ, для охраны рѣки, по которой доставляется царю чрезвычайно много товаровъ. Различныя татарскія племена бродятъ вдоль рѣки съ мѣста на мѣсто, живя въ маленькихъ домикахъ, утвержденныхъ на колесахъ и перевозимыхъ туда и сюда; они владѣютъ множествомъ скота, подвластны царю и платятъ ему дань и пр. Одинъ только хорошій городъ мы видѣли во все это время, именуемый Казань, куда заѣзжали, а отсюда проѣхали въ вышеупомянутый *Негсонъ*. Тутъ на пути произошла ссора между сэръ Антоніемъ и другимъ посланникомъ, потому что сэръ Антоній вздумалъ выговаривать ему за разные проступки, совершенные имъ къ безславію его государя и страны; и до того дошло дѣло, что, не будь при насъ стражи, одинъ убилъ бы другого.

Остановившись здѣсь на минуту, возвращусь опять къ монаху [1], который въ это время смертельно возненавидѣлъ своего сотоварища, другого монаха, о коемъ я раньше говорилъ: имя его было Альфонсъ, монахъ ордена св. Франциска. Онъ сообщилъ сэръ Антонію, что братъ Николай велъ въ Индіи крайне распутную жизнь, и въ подробности объ этомъ разсказалъ. Кромѣ того, сообщилъ ему, что вслѣдствіе его безпутной жизни, король испанскій прислалъ за нимъ, такъ какъ онъ приносилъ гораздо больше вреда, чѣмъ пользы въ тѣхъ мѣстахъ, но что до сихъ поръ онъ отнюдь не хотѣлъ ѣхать и только теперь ѣдетъ по вызову. Монахъ сообщилъ также сэръ Антонію, что подарокъ, представленный братомъ Николаемъ шаху персидскому отъ своего имени, былъ посланъ однимъ изъ друзей шаха изъ Ормузда чрезъ другое лицо, которое имѣло при себѣ еще письмо къ шаху; этого посланца, своего знакомаго, онъ улещалъ и убѣждалъ ласковыми словами и подкупомъ въ 50 кронъ отдать подарокъ вмѣстѣ съ письмомъ ему, чтобы отвезти къ шаху, и подъ конецъ успѣлъ склонить его къ этому; а по прибытіи въ Персію, уничтоживъ письмо, представилъ подарокъ, какъ выше сказано, отъ своего имени. По обнаруженіи таковыхъ подлостей, сэръ Антоній взялъ монаха подъ стражу и везъ далѣе съ собою какъ человѣка, лишеннаго прежней свободы.

Прибывъ въ *Негсонъ*, мы оставались тутъ около мѣсяца. Къ концу этого срока царь прислалъ сюда придворнаго вельможу, чтобы проводить и отвезти насъ въ Москву. Этотъ вельможа отдавалъ предпочтеніе персидскому посланнику, въ виду того, что онъ посланникъ къ царю отъ шаха, а сэръ Антоній, какъ онъ полагалъ, только путешественникъ, проѣзжающій чрезъ страну царя, и соотвѣтственно съ этимъ относился къ нему запросто, къ неудовольствію сэръ Антонія, пока мы не прибыли въ Москву. Здѣсь мы были встрѣчены наилучшимъ образомъ толпою молодцовъ, отъ которыхъ разило водкой [2], одѣтыхъ въ парчевые кафтаны. Но эта пышность кончилась съ первой встрѣчей: кафтаны опять были сложены въ казнохранилище, а насъ заперли въ тюрьму на десять дней, при чемъ всякій доступъ другихъ къ намъ или нашъ къ нимъ былъ строжайше воспрещенъ. Въ это время мы посы-

---

[1] Раньше, въ своемъ разсказѣ, авторъ уже говорилъ о преступленіяхъ этого монаха. Ихъ было двое: фра Николай и фра Альфонсъ; пробираясь въ Европу изъ португальскихъ владѣній въ Индіи, они прибыли ко двору Аббаса и отсюда отправились вмѣстѣ съ посольствомъ.

[2] Въ подлинникѣ: aqua-vitae bellied, т. е. «у которыхъ брюхо было налито водкой».

лали просить, чтобы или нашимъ англійскимъ купцамъ было дозволено придти къ намъ, или намъ сходить или послать къ нимъ за необходимыми вещами, потому что мы не имѣли запаса одежды, достаточно приличной, чтобы представиться царю. Вслѣдствіе этого канцлеръ [1] призвалъ къ себѣ купцовъ и спрашивалъ ихъ, кто таковъ сэръ Антоній и могутъ ли они оказать ему кредитъ. Они отвѣчали, что сэръ Антоній человѣкъ благороднаго происхожденія и близокъ съ самыми лучшими людьми Англіи, и что они готовы оказать ему кредитъ въ такой мѣрѣ, въ какой только могутъ. Тогда имъ было разрѣшено прислать намъ необходимыя вещи, о которыхъ мы просили, но не было разрѣшено придти къ намъ, еще менѣе намъ къ нимъ.

На десятый день за нами прислали, чтобы ѣхать къ царю по принятому у нихъ порядку, при чемъ отмѣчалось, какое мѣсто каждый долженъ занимать въ поѣздѣ, въ которомъ всѣ ѣхали верхами. При этомъ персидскому посланнику было назначено царемъ занимать первое и главное мѣсто; за нимъ ѣхалъ тотъ персіянинъ, который былъ посланъ только сопровождать сэръ Антонія, а послѣднимъ изъ трехъ долженъ быть самъ сэръ Антоній. Узнавъ объ этомъ, сэръ Антоній наотрѣзъ отказался ѣхать въ такомъ порядкѣ, потому что онъ, кому именно ввѣрено и поручено все дѣло и кѣмъ оно единственно выполняется, чрезъ что Персія должна получить несчислимыя выгоды, и особливо потому, что онъ христіанинъ, а тѣ невѣрные, долженъ стать позади всѣхъ въ поѣздѣ, будучи впереди всѣхъ въ дѣлѣ.

Этимъ отказомъ онъ навлекъ на себя неудовольствіе царя, которое выразилось прежде всего въ томъ, что царь взялъ отъ сэръ Антонія монаха и предоставилъ ему свободу отправиться, куда угодно; затѣмъ онъ ежедневно присылалъ своихъ князей (great dukes) распрашивать сэръ Антонія о различныхъ пустыхъ подробностяхъ, стараясь такимъ путемъ отыскать какія-нибудь улики противъ него. Такъ ежедневно мучилъ и притѣснялъ его царь. Персидскій посланникъ въ то же время подъ рукою подстрекалъ монаха вымышлять противъ него всевозможныя позорныя вещи, напр., говорить, что онъ знаетъ сэръ Антонія за человѣка низкаго рода, а также, что сэръ Антоній явился въ эту страну какъ шпіонъ съ цѣлями, клонящимися къ его собственной выгодѣ, а не къ выгодѣ Персіи и христіанства, какъ онъ самъ утверждаетъ. Вслѣдствіе этого у сэръ Антонія отобрали всѣ письма шаха и вскрыли ихъ, чтобы узнать ихъ содержаніе.

---

[1] Вѣроятно, государственный дьякъ и печатникъ Василій Щелкаловъ.

Вскорѣ послѣ этого сэръ Антоній и монахъ были приведены къ коммиссарамъ для дальнѣйшаго допроса. Тутъ сэръ Антоній, воспламенившись гнѣвомъ вслѣдствіе крайне дурного обращенія съ нимъ, несмотря на благія цѣли его путешествія, спросилъ, имѣетъ ли царь намѣреніе отправлять посланниковъ въ какія-либо страны, и заявилъ, что если онъ когда-либо встрѣтится съ ними въ какой бы то ни было части свѣта кромѣ ихъ собственной, то постарается показать имъ, что съ нимъ и въ половину такъ хорошо не обращались въ Россіи, какъ того по праву заслуживаетъ цѣль его путешествія, и какъ царь, по законамъ божескимъ и гражданскимъ, долженъ бы былъ поступать тѣмъ болѣе, что онъ христіанинъ, такой же, какимъ и самъ царь называетъ себя, и прибылъ, какъ подобаетъ христіанину, для общей пользы всего христіанства, такъ какъ персидскій шахъ подвигнутъ къ этому имъ однимъ. Тутъ монахъ началъ опровергать сэръ Антонія, у котораго кровь кипѣла чрезмѣрнымъ пыломъ гнѣва, его обуявшаго, и при дальнѣйшихъ нападкахъ этого злого и неблагодарнаго монаха, онъ, не будучи въ состояніи сдержать свою горячность,—хотя бы ему тотчасъ же пришлось поплатиться за это жизнью—нанесъ толстому монаху такой ударъ по лицу,—при чемъ двойная причина гнѣва удвоивала его силу и желаніе отомстить въ то же время увеличивало ее—что монахъ грохнулся на землю, какъ пораженный молніей; и такъ какъ сэръ Антоній сдѣлалъ это съ мужествомъ и твердой рѣшимостью, ясно выражавшимися въ его взорахъ, словахъ и поступкахъ, то допросъ прекратили, ибо слишкомъ уже испытывали терпѣніе сэръ Антонія. Замѣтивъ это, они испугались, думается мнѣ; а монахъ, почти обезумѣвшій отъ страха, гораздо лучше это чувствовалъ. Тотчасъ же сообщили царю о всемъ случившемся и о томъ, какъ рѣшительно держалъ себя сэръ Антоній. По этой причинѣ, какъ потомъ оказалось, съ нимъ стали обращаться лучше. Съ этихъ поръ мы пользовались свободой ходить къ англичанамъ, которые насъ принимали съ большимъ почетомъ и по-царски угощали. Однако, мы принуждены были оставаться здѣсь шесть мѣсяцевъ, ожидая каждый день, за все это время, что намъ сдѣлаютъ какое-нибудь зло или пошлютъ насъ въ какую-нибудь часть страны царя и будутъ держать въ заключеніи тамъ, куда до насъ не дойдетъ и вѣсточки отъ нашихъ друзей. Этого мы боялись пуще смерти. Однако, въ концѣ концовъ, мы были вызваны въ тайный совѣтъ (privy council), и здѣсь сэръ Антонію былъ данъ приказъ отправляться въ путь, что было не малой радостью для всѣхъ насъ.

Но за день до выѣзда изъ Москвы, мнѣ посчастливилось видѣть царя и царицу, когда они пышно и торжественно выѣзжали изъ города,

везя большую икону и огромный колоколъ въ даръ одному монастырю, находящемуся миляхъ въ тридцати отъ столицы [1]. Это происходило такимъ образомъ. Сначала, въ теченіе всего утра, выходили изъ города различные конные отряды и размѣщались для встрѣчи царя при его выѣздѣ изъ городскихъ воротъ. Около полудня царь отправилъ впередъ свою гвардію, которая была вся конная, числомъ въ 500 человѣкъ, одѣтыхъ въ красные кафтаны; они ѣхали по-трое въ рядъ, имѣя луки и стрѣлы, сабли у пояса и сѣкиры при бедрѣ. За гвардіей двадцать человѣкъ вели двадцать прекрасныхъ коней съ двадцатью очень богатыми и искусно отдѣланными сѣдлами, и еще десять для царскаго сына и наслѣдника, которому теперь 12 лѣтъ отъ роду. За ними вели, такимъ же образомъ, двадцать прекрасныхъ бѣлыхъ лошадей для царицыныхъ каретъ; на этихъ лошадяхъ были только красивые попоны, а на головѣ узда изъ краснаго бархата. За этимъ слѣдовало множество монаховъ въ богатыхъ шапкахъ (caps), поя и неся много иконъ и свѣчей. За ними шла большая часть городскихъ купцовъ. Позади нихъ вели царскаго коня, назначеннаго на этотъ день, а также коня царевича; сѣдло и прочая сбруя царскаго коня были въ изобиліи осыпаны драгоцѣнными, прекраснѣйшими каменьями. Далѣе слѣдовалъ патріархъ со всѣми архіепископами, епископами, и высшимъ духовенствомъ (great prelates) въ облаченіяхъ, очень роскошныхъ и блестящихъ, съ пѣніемъ, въ преднесеніи огромныхъ иконъ, обильно осыпанныхъ разноцвѣтными драгоцѣнными каменьями; подлѣ нихъ несли свѣчи. Затѣмъ слѣдовалъ самъ царь, который лѣвой рукой велъ вышеупомянутаго своего сына, а въ правой держалъ свою шапку. Позади него шла царица, поддерживаемая съ обѣихъ сторонъ двумя пожилыми дамами; ея лицо было густо вымазано притираньями, равно какъ и лица другихъ дамъ, согласно обычаю страны; тѣломъ она очень тучная, глаза у нея глубоковпалые. Ее сопровождали до шестидесяти очень красивыхъ женщинъ,— если только притиранья, которыя у нихъ считаются дѣломъ религіознымъ, не обманывали моихъ глазъ. Вся ихъ одежда была обильно унп-

[1] Съ полной вѣроятностью можно сказать, что царь Борисъ ѣхалъ въ этотъ разъ на богомолье въ Троице-Сергіевъ монастырь и везъ туда колоколъ и *ризу* на икону (а не икону, какъ ошибочно полагаетъ авторъ). Изъ Лаврской описи 1641 г. видно, что золотая риза съ драгоцѣнными каменьями на иконѣ св. Троицы, находящейся въ Троицкомъ соборѣ по правую сторону царскихъ вратъ, пожертвована царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ въ 1600 г. Равнымъ образомъ извѣстно, что лаврскій полиелейный колоколъ, называемый Годуновскимъ, отлитъ для этого монастыря царемъ Борисомъ въ томъ же 1600 г.

зана жемчугомъ, искусно обдѣланнымъ; на головѣ онѣ имѣли бѣлыя шляпы, съ большими лентами кругомъ, унизанными жемчугомъ. Мы никогда не видывали, чтобы женщины въ этой странѣ носили шляпы, кромѣ только этихъ дамъ. Вслѣдъ за ними везли три огромныя кареты: первая была запряжена десятью прекрасными бѣлыми лошадьми, по двѣ въ рядъ; вторая—восемью, а третья—шестью, въ томъ же порядкѣ; эти кареты всѣ были очень роскошны и великолѣпны какъ снутри, такъ и снаружи. За ними ѣхали въ каретахъ всѣ вельможи. Затѣмъ везли въ большомъ ящикѣ вышеупомянутую икону, подъ охраной пожилого сановника, у котораго подъ начальствомъ было до 500 человѣкъ для охраны и сопровожденія иконы [1]. Послѣднимъ везли огромный колоколъ вѣсомъ въ двадцать тоннъ [2]; его везли 3500 человѣкъ—такъ какъ невозможно было везти его быками или лошадьми—слѣдующимъ образомъ: шесть чрезвычайно длинныхъ крѣпчайшихъ канатовъ, въ родѣ корабельныхъ, были прикрѣплены шестью концами къ полку (frame), на которомъ помѣщался колоколъ; въ этомъ ряду канатовъ были размѣщены тѣ 3500 человѣкъ, съ короткими веревками черезъ плечо, прикрѣпленными къ толстымъ канатамъ, и тащили колоколъ, какъ тянутъ у насъ въ Англіи суда барочники на западѣ.

Вѣсъ колокола такъ великъ, что когда его везли по улицамъ Москвы, вымощеннымъ большими квадратными кусками дерева, плотно пригнанными другъ къ другу, то деревянный полокъ, или повозка, на которой везли колоколъ, воспламенялъ дерево мостовой, по причинѣ нагрѣванія отъ тренія того и другого, вслѣдствіе чего нѣсколько человѣкъ, къ тому назначенныхъ, шли слѣдомъ за повозкой и поливали мостовую водой, какъ только дерево начинало дымиться. И такимъ образомъ колоколъ и икона были доставлены въ монастырь, какъ выше сказано.

На слѣдующій день мы отправились въ путь, именно въ серединѣ мая, около Николина дня, чтобы сѣсть на корабль. Наше путешествіе по сушѣ и по рѣкамъ продолжалось шесть недѣль, и во все это время мы не видали почти ничего кромѣ лѣса и воды. Но прибывъ къ берегу моря, въ то мѣсто, гдѣ должны были сѣсть на корабль, мы

---

[1] Если бы царь, дѣйствительно, везъ въ монастырь икону, то ни въ какомъ случаѣ ее не запрятали бы въ ящикъ, а несли бы открыто вмѣстѣ съ другими иконами, въ духовной процессіи. Очевидно, что то была только риза, чѣмъ объясняются и особыя мѣры предосторожности при ея перевозкѣ.

[2] Тонна—62 пуда; вѣсъ показанъ ниже настоящаго: Годуновскій колоколъ вѣситъ отъ 1700 до 2000 пудовъ.

оставались тамъ мѣсяцъ, запасаясь провизіей для нашего путешествія. Въ это время насъ нѣсколько разъ приглашали на англійскіе корабли, гдѣ по-царски угощали на счетъ агента и купцовъ, и ради большей торжественности этого пира дѣлали по триста пушечныхъ выстрѣловъ.

Когда мы тамъ находились, пріѣхалъ изъ Москвы одинъ купецъ, г. Мегричъ, и привезъ съ собою два письма монаха, при чемъ сообщилъ, что канцлеръ, въ удовлетвореніе несправедливости и обиды, причиненной имъ сэръ Антонію, послалъ въ догонку за монахомъ къ границѣ, и у него отобрали оба его письма и все его добро, добытое имъ обманнымъ и безсовѣстнымъ образомъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ въ Индіи, и оставили ему только его монашескую рясу. Велѣлъ ли канцлеръ перерѣзать ему горло, неизвѣстно, но не невѣроятно.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА